

ИВАН
БЫВШИХ

**ВАНИДЯЙН
И
ЛИЗХЕН**

12+

Иван БЫВШИХ
Ваниляйн и Лизхен

«ЛитРес: Самиздат»

1995

Бывших И. Н.

Ваниляйн и Лизхен / И. Н. Бывших — «ЛитРес: Самиздат», 1995

Романтическая документальная история одной любви, или исповедь бывшего военного переводчика.

Содержание

1. Девушка из Хейероде	8
2. Комендантские заботы	18
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Автор повести – коренной сибиряк, красноярец, участник Великой Отечественной войны, воевал рядовым бойцом-красноармейцем, разведчиком, командиром стрелкового отделения. Войну закончил на Эльбе переводчиком полка в звании старшины. Встречался с американцами. Один эпизод из своей службы в послевоенной Германии в качестве военного коменданта села Хейероде автор описывает в предлагаемой документальной повести.

Фото 1985 года

История эта началась летом 1945 года, когда наш полк, перейдя реку Мульда под Биттерфельдом, начал продвигаться на юг в глубь немецкой земли Тюрингии. По решению союз-

ников, Тюрингия и некоторые другие земли и провинции Германии передавались в советскую зону оккупации, а взамен этого наше правительство разделило Берлин на четыре сектора и три из них передало французским, американским и английским войскам. Из этих секторов впоследствии образовался монстр Западный Берлин.

Итак, наш полк, как и другие части нашей армии, начал оккупацию Тюрингии, а навстречу нам в Берлин двигались американские войска. 6 июля 1945 года, оставив позади себя крупный и совершенно не разрушенный город Мюльхаузен, наш полк вступил в большое село Хейероде, где и расквартировался. Точнее сказать, в этом селе разместился только штаб полка и его подсобные подразделения, а стрелковые батальоны с артиллерией и минометами заняли боевые позиции вдоль новой границы с американцами на протяжении почти ста километров.

1. Девушка из Хейероде

На другой день я был срочно вызван к командиру полка майору Баранову, который без предисловий объявил мне:

– Назначаю вас комендантом Хейероде. Для поддержания порядка в селе в ваше распоряжение передается взвод автоматчиков. К исполнению обязанностей приступить немедленно!

По званию я старшина, по должности – полковой переводчик, я уже имел опыт работы с немецким населением, был помощником коменданта, переводчиком, но комендантом быть не приходилось.

Я немедленно отправился к бургомистру села, представился ему и заявил, что под комендатуру нужно найти помещение в центре села. Бургомистр, пожилой грузный с деревянной ногой человек, сразу же ответил:

– Помещение есть. Если оно вам понравится, то можете сейчас же занимать его. Надо только сменить вывеску.

– Какую вывеску? – не понял я.

– Американскую. Мы предлагаем вам пустующее сейчас помещение, в котором не так давно размещался американский комендант. А вывеска еще не снята.

Для осмотра его бургомистр послал со мной своего помощника, странного, видимо, болезненного человека. Помещение мне понравилось. Им оказалась обыкновенная пятикомнатная квартира на втором этаже, почти напротив конторы бургомистра. Я наметил, где разместить телефониста, дежурного по комендатуре, выбрал большую светлую комнату под офис, а смежную с ним небольшую комнату решил занять под свое жилье. Неожиданно из соседней комнаты вышла молодая, лет тридцати, женщина и представилась:

– Anna Hohlbein, хозяйка квартиры, а это – моя пятилетняя дочь Инга.

Инга без тени застенчивости выскочила из двери и, вытянув вперед руки, побежала мне навстречу, как будто знала меня раньше. Мне пришлось невольно подхватить ее и поднять к потолку. Я догадался, что девочка привыкла к военным, не боялась их, и ей было безразлично, кто были эти военные – американцы или русские.

– Анна с дочкой занимает всего одну комнату, и мы надеемся, что она не помешает вам, – сказал помощник бургомистра.

– А где нам разместить автоматчиков? Ведь их будет не меньше десяти человек, – сказал я.

– Пройдемте вниз, – попросил меня мой спутник.

Во дворе дома находился капитально оборудованный склад, в котором уже стояли заправленные матрасами и простынями кровати. “Спасибо американцам, они уже все сделали за меня”, – с благодарностью подумал я.

За один день мне удалось решить все вопросы с открытием комендатуры и получить от бургомистра во временное пользование небольшой мопед для служебных разъездов.

Анна Хольбайн и ее дочь Инга

Анна – хозяйка квартиры, в которой осенью 1945 года размещалась советская комендатура в селе Хейероде. Эту фотографию прислала в 1975 году Инга и сообщила, что ее мать Анна умерла в прошлом, 1974, году, а сама она работает учительницей в местной школе имени Гете. Фото 1945 года

Вечером помощник бургомистра ходил по улицам села, звоня в большой колокол, привлекая им внимание жителей, потом останавливался на людном перекрестке и зычным голосом читал Bekanntmachung (объявление) о том, что открыта русская комендатура во главе с новым комендантом, и называл мою фамилию, коверкая ее до неузнаваемости.

У коменданта было много разнообразных обязанностей: поддержание порядка в селе, вплоть до применения силы, борьба с хулиганством и правонарушениями, контроль за исполнением распоряжений начальника гарнизона, каким является командир нашего полка, разрешение споров между жителями и военнослужащими гарнизона, а также выдача разрешений жителям на поездки за пределы района. Одной из моих новых обязанностей был и контроль за регистрацией бывших солдат немецкой армии, которые по болезни, ранению или другим причинам возвращались из плена к себе на родину. Я спросил бургомистра, есть ли в селе такие.

– Да, есть, – ответил он. – Немного, всего семь человек. Вот список.

– А есть ли такие, которые давно вернулись в село, но до сих пор не зарегистрировались у вас?

– Тоже есть, один. Это Гюнтер Вальдхельм. Он появился в Хейероде почти полмесяца назад, но до сих пор ко мне не зашел, и я его документов не видел. Вот его адрес: улица Вокзальная, дом 18.

Вечером того же дня я взял двух автоматчиков и отправился по указанному адресу. Стучу в калитку типичного немецкого двухэтажного дома. Дверь открыла миловидная женщина, видимо, хозяйка дома. На ее лице неопишущий испуг: ведь перед ней стоял сам комендант с автоматчиками.

– Сына нет дома, и я не знаю, где он, – ответила она на мой прямолинейный вопрос, пятясь вглубь двора. – Прошу вас зайти к нам в дом и убедиться в этом.

Я не собирался делать обыск, в этом не было никакой необходимости, мне просто хотелось посмотреть, как живут зажиточные крестьяне села. А эта семья была явно зажиточной. Обширный двор, многочисленные хозяйственные постройки, большой двухэтажный дом – все сделано из кирпича и камня добротнo и капитально. Оставив автоматчиков у входа, я в сопровождении хозяйки вошел в дом. Прямо скажу, обширная прихожая сразила меня своим уютом и даже комфортом: шкафы, зеркала, какие-то подставки.

– Это гостиная, – пояснила хозяйка, открывая дверь в одну из комнат. Я заглянул, но не успел как следует рассмотреть, так как хозяйка пригласила меня в соседнюю комнату, которая оказалась столовой. Женщина быстро догадалась, что меня интересует, и старалась удовлетворить мое любопытство.

– Скажите, зимой для отопления этого дома нужно много топлива. Где вы его берете? – спросил я.

– Хозяйка подбежала к небольшой дверце, открыла ее и указала на лежащие там черные граненые плитки. Она взяла одну из них в руки и протянула мне:

– Это угольные брикеты, которыми мы отапливаем наш дом. Их покупаем на фабрике в Биттерфельде. Зимой мы отапливаем не весь дом, а только жилые комнаты.

– А можно мне пройти наверх? – спросил я.

– Пожалуйста, – сказала хозяйка, указывая на деревянную лестницу.

Поднявшись на второй этаж, я сам открыл резную дверь и оказался в светлой богато обставленной комнате. Посередине ее стоял овальный стол, за которым сидели три молодые женщины и мальчик. При моем появлении они встали.

И тут случилось то, чего я никак не ожидал и не предвидел. Из трех стоящих за столом молодых особ я невольно обратил внимание на одну, самую юную из них, которая с первого взгляда поразила меня своей необычной оригинальной внешностью и непохожестью ни на одну из когда-либо виденных мною девушек. Мне показалось, что она явилась из какого-то другого, неведомого мне мира, и что только ее одну высвечивают сейчас какие-то волшебные лучи. На первых порах я даже не разобрал, красива она или нет.

– Это мои дети и внук, – откуда-то издали доносились слова хозяйки дома, и она стала называть их имена, которые не доходили до моего сознания.

Я стоял в дверях в каком-то непонятном замешательстве, отлично понимая глупость и нелепость моего положения.

Но я был не в силах отвести глаз с поразившей меня девушки. А она, бросив на меня испуганный и в то же время любопытствующий взгляд, легкой походкой подошла к шкафу и стала что-то перебирать в нем. Наконец я пришел в себя и, сгорая от стыда, нарочито громко и не к месту сказал:

– Пусть ваш сын завтра зайдет в комендатуру!

И не помня себя, я выбежал во двор. Автоматчики, конечно, заметили мою взволнованность и спросили:

– Что-нибудь случилось?

– Нет, ничего. Пошли!

Остаток дня я был в плохом настроении, переживал за свое несерьезное и даже мальчишеское поведение в доме этой изумительной девушки.

На другой день рано утром в комнату вошел дежурный сержант и доложил, что ко мне пришел посетитель. Это был худощавый с изможденным лицом человек в старом, сильно потрепанном костюме. В руках он держал небольшого размера баул.

– Гюнтер Вальдхельм, – уныло представился он, не спуская с меня вопрошающего взгляда.

Конечно, я удивился его жалкому виду, но ничего не сказал. Я пригласил его сесть, проверил его документы, которые оказались в полном порядке, и потом долго расспрашивал его о жизни и службе в армии. Узнал, в каких войсках служил, где и в качестве кого он участвовал в боях с англичанами, где был взят в плен и когда отпущен. Оказалось, что он на полтора года моложе меня, а выглядел старше. Из плена он был освобожден по болезни, которая и сейчас мучила его. Во время беседы я случайно подошел к окну и на противоположной стороне улицы увидел фрау Вальдхельм, мать Гюнтера, и его юную сестру. Я попросил Гюнтера подойти к окну и спросил его:

– Кто это и почему они здесь?

– Это моя мать и младшая сестренка. Они опасаются, что вы арестуете меня.

– Какая чушь! – воскликнул я по-русски, а немцу строго сказал: – Идите, зарегистрируйтесь у бургомистра и спокойно живите дома. Вас больше никто не потревожит.

Гюнтер вышел из комнаты, а я подошел к окну и, прячась за занавеску, стал наблюдать. Как только Гюнтер появился на улице, обе женщины бросились к нему, подхватили его под руки и, изредка поглядывая на мои окна, стали подниматься вверх по улице к своему дому.

На этом моя связь с семьей Вальдхельм не закончилась.

Утром следующего дня у меня в кабинете опять появились гости – это были фрау Вальдхельм и ее младшая дочь, имя которой я еще не знал. Их неожиданное появление меня сильно смутило и взволновало, я излишне суетился, нервно перебирал на столе бумаги и не знал, куда деть свои, как мне казалось, очень длинные руки. Наконец я торопливо пододвинул два стула и предложил им сесть. Сам же сел не за стол напротив них, как это положено хозяину кабинета, а где-то сбоку, на край стола. Утренние лучи солнца, пробившись через тюлевые занавески, хорошо освещали смущенные лица гостей. Конечно, я старался не смотреть в лицо сидевшей

прямо передо мной девушки, хотя изредка бросал на нее быстрые взгляды. Ее смуглое, слегка удлиненное лицо с большими черными глазами, что несвойственно немецким девушкам, было обрамлено пышными, окрашенными в коричневый тон, волосами. Широкие ровные белые зубы подчеркивали строгость ее лица.

– Господин комендант, – сказала фрау Вальдхельм слегка приглушенным голосом. – я и моя дочь Лиза (Ага, значит ее зовут Лизой! Какое красивое и редкое имя!) пришли поблагодарить вас за внимательное отношение к судьбе нашего сына и брата Гюнтера, который вернулся из плена больным и истощенным.

– Забота о людях – мой долг, – ответил я дежурной фразой, которую мне часто приходилось произносить в ответ на благодарность посетителей.

– Ему нужны отдых и лечение, – продолжала фрау Вальдхельм. – Я и все мои дочери будем ухаживать за ним до тех пор, пока он не поправится. Все равно, его возвращение в родной дом для всех нас большая радость, и мы просим вас, господин комендант, оказать нам честь и поприсутствовать сегодня вечером на нашем скромном семейном ужине.

Конечно, я никак не ожидал получить это персональное приглашение и потому еще больше смутился. Вся беда моя заключалась еще и в том, что эти мои смущение и растерянность видели гости, отчего я еще больше смущался и нервничал. Чтобы быстрее закончить эту одновременно и тягостную, и желанную встречу, я сразу согласился:

– Спасибо за приглашение, я обязательно буду.

– Ждем вас в семь часов вечера в нашем доме, – сказала фрау Вальдхельм и вместе с дочкой вышла из комнаты. На протяжении всего разговора Лиза не произнесла ни одного слова, и я не услышал ее голоса. Каков он?

Целый день я, словно чумной, гонял на своем мопеде по холмам и лесам Хейероде, по возвышенности Хайних, уверяя себя, что я изучаю окрестности села. Но на самом деле я не знал, куда себя деть, как погасить огромное волнение, охватившее меня накануне ответственного визита. Еще бы! Я впервые в жизни приглашен на званый ужин! Я уже был в этом доме, видел вежливых, обходительных дочерей и саму привлекательную и умную хозяйку дома. Конечно, это была состоятельная и культурная семья. А я кто? Я простой деревенский неотесанный парень из полудикой Сибири, который в приличном обществе никогда не был и не умел себя вести и который смущается и краснеет по каждому пустяку, по каждому поводу и просто так, без всякого повода.

Подшив свежий подворотничок к гимнастерке, начистив до блеска хромовые трофейные сапоги и предупредив дежурного по комендатуре, я отправился в гости. Точно в назначенное время я постучал в уже знакомую мне калитку. Ее открыла опять фрау Вальдхельм, но на этот раз на ее лице витала мягкая, доброжелательная улыбка, а не страх и растерянность, как в прошлый раз.

Проведя меня в дом, фрау Вальдхельм открыла гостиную, в которую я уже заглядывал во время прошлого посещения, положила на журнальный столик объемистый семейный фотоальбом и вежливо сказала:

– Придется вам немного поскучать в одиночестве.

Гостиная комната была средних размеров и находилась на первом этаже дома. Ее большое и единственное окно выходило на улицу. У стены стояла двуспальная кровать, заправленная немецкой периной, с горой разномерных подушек. Напротив стоял небольшой диван кустарной работы, на который я уже сел. В центре комнаты – круглый стол, со всех сторон обставленный стульями. На гладкой ровной стене красовалось традиционное немецкое распятие Христа. Ничего ненужного, ничего лишнего. Я взял в руки альбом и стал внимательно его рассматривать. Семья Вальдхельм была большой и многодетной. По моим подсчетам, у Лизы было три брата и две сестры. Конечно, на каждом фотоснимке я старался найти Лизу и находил ее. Вот она – маленькая девочка в коротеньком платьице качается на качелях во дворе сво-

его дома. Вот она большим гребнем расчесывает волосы солидному мужчине, видимо, своему отцу. Вот она уже подросток, из лейки поливает цветы, а рядом с ней небольшая собачка.

Появилась фрау Вальдхельм и пригласила меня пройти в кухню помыть руки. Там были уже приготовлены немецкие атрибуты для умывания: тазик с водой, мыло и полотенце. Мне, русскому человеку, оказавшемуся в Германии, было загадкой, как по утрам умываются культурные немцы. Они сначала моют мылом руки в тазике, потом этой же, по-моему грязной водой, умывают лицо. Даже простым глазом видно, что это негигиенично. Я ополоснул в тазике руки, вытер их полотенцем и прошел в столовую, где уже находились дочери хозяйки в красивых, я даже сказал бы, нарядных платьях. Я сел на приготовленный мне стул рядом с хозяйкой дома и спросил:

– А где же виновник нашего знакомства Гюнтер?

– Он лежит в постели в своей комнате на первом этаже. Он болен. Вы не беспокойтесь за него. С ним также находится наш маленький Хорсти.

– Так зовут того маленького мальчика, которого я уже видел? – опять спросил я.

– Да, да, Хорсти – наш всеобщий любимец.

Хейероде. Главная улица. Крестиком обозначена квартира Анны Хольбайн, в которой осенью 1945 года размещалась советская комендантура. Пересъёмка с открытки.

Стол был заставлен многочисленными мисками, тарелками, салатницами, блюдами, чашками и чашечками, наполненными до краев яствами и кушаньями. Мне бросился в глаза маленький фарфоровый кувшинчик, назначение которого я никак не мог определить. Я с радостью обнаружил, что на столе не было ни вина, ни шнапса. Начался типичный немецкий ужин без музыки и веселья, но со степенными разговорами и беседами. Трапеза началась с раскладки по тарелкам приготовленного шпината, одного из самых распространенных овощей в Германии. Затем пошли салаты и где-то в середине ужина на столе появился целиком зажаренный огромный гусь, со всех сторон обложенный очищенными яблоками. Постепенно из разговоров я узнал не только имена, но краткую историю жизни всех присутствующих женщин. Напротив

меня сидела старшая дочь Гертруда, по домашнему Труды. Она была замужем за неким Бельманом из города Галле, в котором сейчас проживают престарелые родители мужа. Одно время она и сама там жила, но в конце войны из-за материальных трудностей переехала в родительский дом вместе с сыном (маленьким Хорсти). Ее муж жив и сейчас находится в русском плену. Эрна, средняя дочь, и Лиза были незамужними. У Эрны был жених, он служил в армии, судьба его ей была неизвестна. Кроме Гюнтера, у них были еще два старших брата, Эгон и Хорст. Оба они живы и находятся в английском плену.

– Теперь и вы расскажите нам о своей фамилии (семье), попросила меня Гертруда.

Я сказал, что мои родители простые люди: отец плотник, мать домохозяйка. У меня есть еще две сестренки младше меня, зовут их Лидой и Галей. Была еще и третья сестренка, Раечка, но она умерла от кори в начале войны. Сам я в войну окончил 10 классов. В 1942 году был призван в армию, а с 1943 года и до конца войны находился на фронте.

Пока шла моя неторопливая беседа с хозяйкой дома и ее старшими дочерьми, Лиза молчала. Она сдержанно и спокойно сидела на стуле и изредка бросала на меня быстрые, изучающие взгляды. Я тоже время от времени поглядывал на нее, стараясь не повторить позавчерашний конфуз. Теперь я имел возможность получше рассмотреть ее и убедился, что она не только изящна стройной фигурой, но и красива лицом.

– Жители Хейероде говорят, что их новый комендант из Сибири. Так ли это? – спросила Эрна.

– Да, я сибиряк с берегов реки Енисей, – подтвердил я.

– Флюсс Енисей, где это? переспросила Эрна и, повернувшись к сестре, сказала: – Лизхен, принеси атлас.

Лиза поднялась наверх и вернулась с объемистой книгой в руках. Я раскрыл ее, быстро нашел нужный лист и стал его показывать девушке. Она нагнулась ко мне, чтобы получше рассмотреть карту и ее локон коснулся моей щеки, обдав меня незнакомым приятным запахом. Я невольно повернул к ней свое лицо, и наши глаза встретились. Встретились на близком, даже очень близком расстоянии. Боже мой! Какие это были чудесные глаза! Они были спокойными, глубокими, завораживающими. В этот момент я понял, что могу влюбиться в эти глаза, если только уже не влюбился!

Лиза стала громко читать название города, на который я указал пальцем:

– Ми-ну-синск!

– Да, город Минусинск, – это наш районный центр. Для моей деревни он имеет такое же значение, как Мюльхаузен для Хейероде.

Лиза еще раз прочитала название этого сибирского города и спросила:

А как называется ваша родная деревня?

– Поначево, – ответил я, глядя в ее черные широко раскрытые глаза.

– По-на-чье-во, – произнесла она медленно, по слогам, название моей родной деревушки, чем привела меня в неописуемый восторг.

– Все знают, что в Сибири зимой холодно, и это так. Но мало кто знает, что летом в Сибири бывает иногда очень жарко, жарче, чем в Германии.

Этими словами я хотел поразить своих слушателей, но должного эффекта не получилось. Не получилось потому, что женщины просто не поверили мне, подумав, что я “зарапортовался”.

Ужин подходил к концу. На стол был подан большой кремовый торт с разноцветными узорами и цветочками. И тут я допустил непростительную промашку. Я не заметил, как сдвинул на край стола тот самый фарфоровый кувшинчик, назначение которого я не понял, потом неосторожно толкнул его, и он упал на пол, но не разбился, а его содержимое выплеснулось на ковер. Оказалось, что это была обыкновенная сметанница. Лиза быстро подтерла подмоченные

места, а я, смущенный, засобирался домой. Вся семья провожала меня, а фрау Вальдхельм прощаясь, сказала:

– Приходите в любое время, мы всегда будем рады вам.

Пожалуй, я еще не был влюблен в Лизу, но уже думал о ней и стал делать попытки встретиться с ней как можно быстрее. На ужине я узнал многое о ее сестрах и братьях, но о ней самой – почти ничего. Я даже не знал, сколько ей лет и чем она занимается, работает ли, учится или сидит дома, как многие девушки из состоятельных семейств. Я стал подолгу простаивать у окна в надежде увидеть ее на улице. И только на третий или четвертый день моего такого дежурства мне это удалось. Лиза не спеша шла мимо комендатуры по противоположной стороне улицы к своему дому. Я выбежал из подъезда и увидел ее со спины, поднимающейся в гору. Как я хотел, чтобы она сейчас обернулась, ведь бежать ей вдогонку я ни за что бы не решился. Но она не только обернулась, но и, увидев меня, остановилась.

– Добрый день, Fräulein! – сказал я, подходя к девушке, несколько смущенный и не уверенный в себе.

– Добрый день, господин комендант! – ответила она с легкой доброжелательной улыбкой. На ее лице я заметил некоторое волнение, чему я, между прочим, обрадовался.

– Гуляете по родному селу?

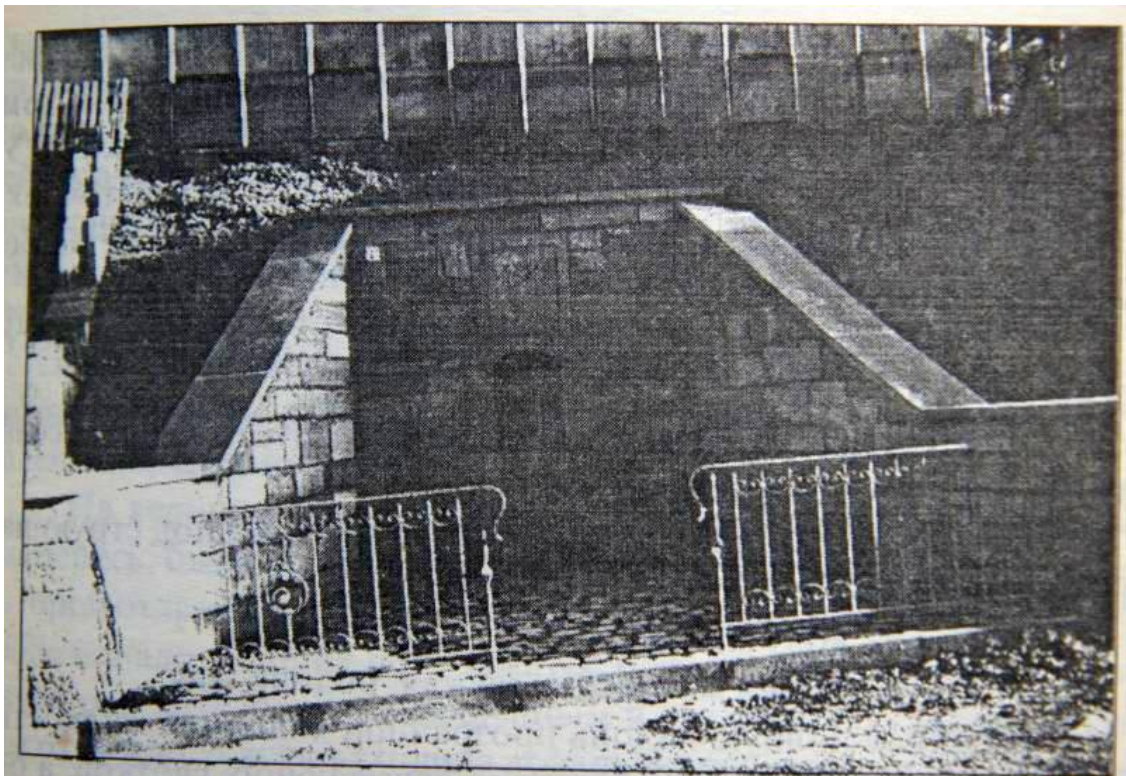
– Нет, я иду с работы.

– Вы где-то работаете?

– Да, я работаю продавцом в колбасном магазине.

– Жаль, что вы устали и не сможете мне помочь. А я хотел бы, Fräulein Lisa, попросить вас показать мне ваше село, ведь я его совершенно не знаю.

– Почему же? Если у вас есть свободное время, то я готова хоть сейчас стать вашим гидом.

Der Nachelborn. Источник Гахель

– Очень хорошо! – искренне обрадовался я. – Тогда с чего начнем?

– Как с чего? Конечно, с Hachelborn, это главная достопримечательность нашего села, его обязательно показывают всем нашим гостям.

– Интересно, а где же он находится?

– Это недалеко отсюда. Я вам покажу.

Мы завернули в переулочек Bornberg и стали подниматься в гору. На крутом склоне ее я увидел небольшое углубление – нишу, отдаленно напоминающую вход в грот, отделанную камнем и цементом. Но никакого грота здесь не было. В верхней части ниши на каменном барельефе значилось: “Heuerode 1356”. Ниже этого барельефа около метра от земли из стенки вытекала тоненькая струйка воды, которая по желобу стекала в трубу и исчезала под толстым слоем брусчатки. Я понял, что это и есть Гахельборн, источник Гахель.

– Говорят, что наше село возникло в 1356 году как раз на этом месте, – пояснила мне Лиза. – Вот здесь стояла хижина первого пастуха, а его загон для овец находился как раз на том месте, где сейчас стоит ресторанчик “Zum grünen Rasen” (“у зеленой лужайки”). Все жители нашего села чтят этот источник, считают его священным, а наш пфarrer для крещения детей берет воду только из него.

– Очень интересно! – воскликнул я. – Скажите, а откуда вы все это знаете?

– Это знаю не только я одна, а все жители нашего села. Этому нас учат в местной школе. Я подошел поближе к источнику, подставил под струю ладонь и спросил:

– А пить воду можно?

– Конечно, она же чистая, свежая, родниковая.

Я набрал полную ладонь прозрачной холодной жидкости, поднес ее ко рту и сделал несколько освежающих глотков, а остатками ее окропил лицо.

Лиза тоже подошла к источнику, смочила водой руки и потом тихо, но внятно проговорила:

– Святой Гахель! Благослови нас на большую и вечную любовь!

Эти слова я хорошо слышал и разобрал, но смысл их дошел до меня не сразу. Но когда понял, о чем говорила и что просила Лиза у Священного Источника, то я неожиданно вспыхнул, покраснел и смутился. Однако, я все же нашел в себе силы и смелость подбежать к ней и воскликнуть: “Лиза, ты что?” – не замечая, что назвал ее на “ты”.

– Ничего! – ответила она спокойно. – Ты не обращай внимание, иногда я говорю не то что думаю. Со мной это случается.

А вот то, что она назвала меня на “ты”, я почему-то сразу заметил и я понял, что безразличен этой девушке.

Мы перебежали через прилегающую к источнику улочку, приютившуюся на самом краю откоса, и стали подниматься вверх по узкой извилистой тропинке. В полку я слыл самым быстрым и выносливым бегуном. Мое сердце и ноги были натренированы, как у опытного спортсмена. В ходьбе и по равнине, и по пересеченной местности я всегда обходил всех. Поднимаясь сейчас в гору, я заметил, что Лиза, пожалуй, смогла бы составить мне конкуренцию, так как за время подъема она ни разу не остановилась, чтобы перевести дыхание, и при этом продолжала мне что-то объяснять и рассказывать. Одетая она была в легкое, кажется, ситцевое платьице, плотно облегавшее ее тело, на ногах туфли на низком каблучке, и я хорошо видел ее обнаженные до колен загорелые ноги.

На вершине горы, точнее сказать холма, на которую мы поднялись, была хорошо оборудованная смотровая площадка, с которой открывался изумительный вид на всю долину. Село Хейероде лежало у наших ног. Зажатое с трех сторон крутыми холмами, оно казалось расплюснутым в трехлучевую звезду, причем от каждого луча отходила асфальтированная дорога: на восток – в город Мюльхаузен, на юг – в город Треффурт, на запад – старинное село Дидорф. Нам хорошо было видно, казалось бы, хаотическое нагромождение красночерепичных крыш.

В самом центре села и чуть в стороне возвышались два остроконечных шпиля местных церквей. По левую сторону виднелось большое, пожалуй, самое большое в селе трехэтажное здание сельской школы. На заднем плане за селом просматривалось белое арочное сооружение – это был трехпролетный железнодорожный виадук, переброшенный через узкое ущелье между холмами. Как раз в это время со стороны Дидорфа из-за стены леса вылетел отсюда казавшийся миниатюрным, игрушечным поезд, выбрасывая в воздух клубы густого пара. Поезд, как на экране кино, резво пронесся через виадук и скрылся.

– Это вечерний поезд идет в Мюльхаузен, ночью он проследует в обратном направлении, – пояснила мне Лиза, – с этой площадки самый лучший обзор нашего села. Оно особенно красиво утром, когда солнце светит из-за спины, сейчас же оно бьет прямо в глаза.

– Лиза, ты родилась в замечательном селе, и я по-хорошему завидую тебе.

– Ваня! (Она впервые назвала меня по имени.) Разве твоя родная деревня По-на-чьо-ва не так красива?

– Лизхен! Ты запомнила название моей родной деревни?! Как тебе это удалось?

– Название трудное, я учила его целый день!

Все то время пока мы находились на смотровой площадке и наслаждались неповторимым видом села, мы стояли рядом и держали друг друга за руки.

Начиная с этого памятного дня, с прогулки на смотровую площадку, со встречи у Гахельборна, мы стали встречаться почти ежедневно. Днем мы работали, а вечер проводили вместе. Встречались на природе, благо что долгие летние вечера позволяли нам это делать. Мы совершали продолжительные прогулки по лесу в районе железнодорожного вокзала по возвышенности Heinic, встречались под сводами арочного моста, гуляли по насыпи железнодорожного полотна по направлению к селу Дидорф, прыгали по каменистым берегам речушки Grunde. И везде где бы мы ни находились и что бы мы ни делали, нам вдвоем было весело и интересно. Мы узнавали взгляды друг друга на различные жизненные ситуации и к великой радости обнаруживали, что они совпадали удивительно точно! Без нажима, без натяжки и без искусственной подстройки. Такое единомыслие встречается очень редко, но вот наш опыт показывает, что оно все-таки встречается. Мы были просто близки друг другу по духу.

Мы уже знали, скорее догадывались, что любим друг друга, но о любви вообще и о нашей тем более мы не обмолвливались ни единым словом. Мы не спешили, не торопили события, а позволяли им развиваться естественным путем. Мы оба с завидным постоянством и последовательностью делали как раз то, что должны были делать влюбленные. Каждая наша встреча, каждый прожитый день приносили нам не только радость общения, но и шаг за шагом поднимали наши чувства, наши ощущения еще на одну ступеньку выше по длинной лестнице любви, на которую мы охотно вступили, не думая о последствиях. Мы учились верить друг в друга, доверять друг другу и избегать всего того, что могло бы вызвать хотя бы тень сомнения. Возникший крохотный и нежный росток нашей любви мы оба заботливо растили, лелеяли, ухаживали за ним, ограждали его, чтобы, не дай Бог, кто-нибудь случайно не наступил на него.

С каждой такой встречи я возвращался к себе “домой” окрыленный, уверенный, с желанием как можно больше делать добра людям.

2. Комендантские заботы

С первого дня своего назначения комендантом я с головой ушел в работу. Как говорится, работ и забот был полон рот. В селе насчитывалось почти три тысячи жителей, и каждый из них хотел знать, какую политику в отношении мирного населения будут проводить новые русские власти, что жителям будет разрешено и что запрещено. С этой целью через бургомистра и глашатая я сделал несколько распоряжений и объявлений, суть которых сводилась к следующему:

1. Существующие в селе до прихода русских местная власть и местные порядки, в том числе и частная собственность, сохраняются в неизменном виде.

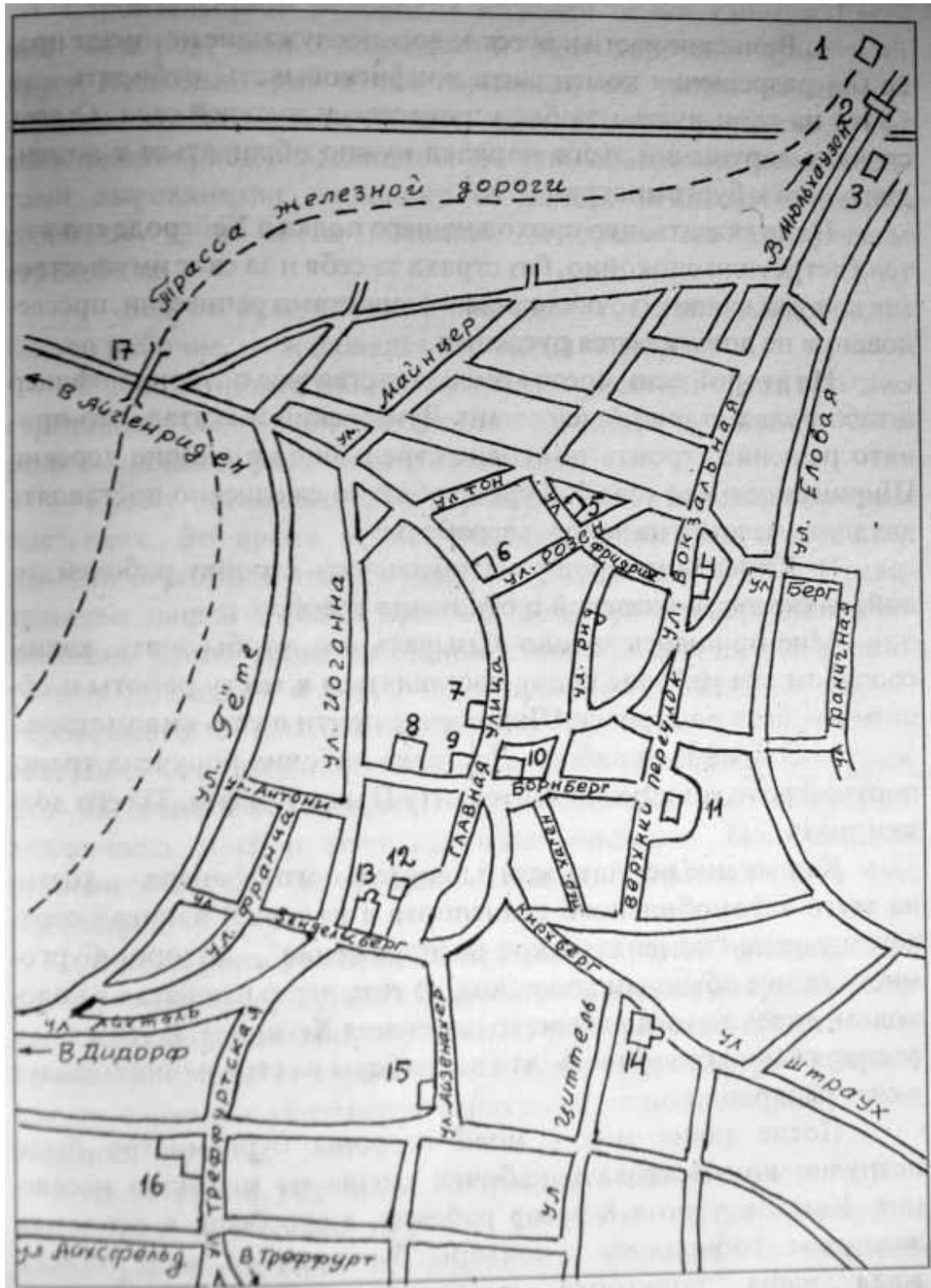
2. Никаких переселений, высылки и тем более репрессий и арестов не будет, жители села могут продолжать свою прежнюю деятельность.

3. Поездки жителей в пределах Мюльхаузенского района осуществляются с разрешения (регистрации) бургомистра, а за пределы района с разрешения коменданта.

4. Военские части и русские военнослужащие не имеют права без разрешения коменданта конфисковывать, отбирать или брать на свои нужды любое имущество у жителей села. О всех случаях нарушений этого порядка нужно обращаться к коменданту или к бургомистру.

Вид села Хейероде с птичьего полета. Пересъемка с открытки.

План села Хейероде

Пояснения к плану села Хейероде

1. Железнодорожный вокзал. 2. Grenzhaus. Пограничный дом. 3. Kurhaus. Гостиница.
4. Дом Лизы Вальдхельм. 5. Водонасосная станция. 6. Ресторан-гостиница "Zum Grünen Rasen" ("У зеленой лужайки"). 7. Советская комендатура. 8. Фабрика "Вильгельм Крумбайн".
9. Ресторан "Пост". 10. Контора бургомистра. 11. "Der Nachelborn". Источник Гахель. 12. Дет-

ский садик. 13. Новая кирха. 14. Старая кирха. 15. Детские ясли. 16. Школа имени Гёте. 17. Арочный мост.

Надо сказать, что приход нашего полка в Хейероде его жители встретили спокойно, без страха за себя и за свое имущество, так как уже знали, что обещанные фашистами репрессии, преследования, не допускаются русскими.

На второй день моего комендантства мне позвонил офицер штаба полка старший лейтенант Дунаевский и сказал, что принято решение строить полковое стрельбище в районе деревни Ширшвенде и что село Хейероде обязано ежедневно поставлять двадцать человек на земляные работы.

– Комендант, прошу вас обеспечить стройку рабочей силой, – сказал Дунаевский и отключил телефон.

Мне пришлось заново вызывать его, чтобы узнать, каким способом эти рабочие будут доставляться к месту работы и обратно – ведь до деревни Ширшвенде почти шесть километров.

– Это не твоя забота. Доставка рабочих поручена транспортной роте, конкретно лейтенанту Павлу Крафту. Ты его должен знать.

Как же мне не знать этого влиятельного офицера – хозяина всего автомобильного транспорта в полку! Я написал соответствующее “комендантское распоряжение”, которое бургомистр своим обычным способом, то есть через глашатая с колоколом, довел до сведения всего населения Хейероде. В этом моем распоряжении говорилось, что все работы на стрельбище пойдут в счет репараций.

После таких мер с моей стороны бургомистру было нетрудно комплектовать рабочие смены из местного населения. Каждое утро в 8 часов рабочие, а это были в основном женщины, собирались у конторы бургомистра, куда подъезжала наша “полуторка” и увозила их к месту работы. Строительством руководил инженер полка капитан Евгений Федоров, мой одноклассник и мой хороший армейский друг. Несколько раз я сам приезжал на своем мопеде на стройку, чтобы знать и лично видеть в каких условиях и что выполняют рабочие-женщины. А они обыкновенными лопатами выравнивали площадку от линии огня до мишеней, сгребали грунт и на носилках относили его за пределы стрельбища.

– Был бы бульдозер, хотя бы один, тогда не понадобились бы эти рабочие, – жаловался мне Женя Федоров.

Работы продолжались около полумесяца, строительство стрельбища было окончено, после чего никто из жителей Хейероде ни на какие работы не направлялся.

Скажу несколько слов о репарациях и о репарационных поставках. Во время войны немецко-фашистские оккупанты нанесли огромный ущерб народному хозяйству СССР. Правительство нашей страны приняло решение о частичной компенсации этого урона немецкой стороной в виде репараций, то есть поставкой в СССР некоторого оборудования, демонтированного с немецких заводов, частичным содержанием советских оккупационных войск и даже бытовыми услугами. Все население в советской оккупационной зоне Германии включилось в сбор репарационных поставок. Был налажен строгий учет: кто из жителей и какую долю вложил в счет репараций.

В моем распоряжении были заранее заготовленные бланки с печатями, и я имел право выдавать расписки за полученные товары или предоставленные услуги в счет репараций. После окончания строительства стрельбища я выдал бургомистру Хейероде такую справку с указанием выполненных объемов работ и их стоимости.

В то время уже были выпущены в оборот так называемые “оккупационные марки”, которыми наши воинские части рассчитывались с немецкими фирмами и немецкими гражданами.

С первых дней появления нашего полка в Хейероде бургомистру стали поступать жалобы жителей на пропажу молочных продуктов. Многие крестьяне села имели коров в стойловом

содержании, так как пастбищ у общины не было. Коров кормили привозными брикетами сена. После утренней дойки хозяева выставляли бидоны с надоенным молоком на специальные подставки, сооруженные на обочине дороги перед их домами. Нанятый тракторист объезжал село, собирал эти бидоны на прицеп и отвозил их в соседнее село Обердорлу, где находился маслозавод. Вечером вторым рейсом этот же тракторист развозил и расставлял на подставки порожние бидоны. По заявкам хозяев работники молокозавода вкладывали на дно порожних бидонов брикеты масла, творога, сметану и другие продукты.

Этот порядок был заведен давно, и в нем никогда не было сбоев. При появлении русских кое-где из этих бидонов стали исчезать молочные продукты. Я понял, что это дело рук наших солдат и организовал несколько вечерних засад, чтобы поймать воришек. Однажды, когда тракторист закончил вечерний развоз порожних бидонов, я с двумя автоматчиками спрятался в одном из дворов напротив трансформаторной будки, где чаще всего пропадали продукты и стал ожидать наступления темноты. Ждали недолго, заметили, как со стороны вокзала начала спускаться одинокая воинская повозка с двумя ездовыми. Один из них соскочил с повозки, подбежал к подставке, открыл бидон и вытащил его содержимое. Мы выскочили из засады и тут же на месте преступления арестовали обоих солдат. Ими оказались ездовые транспортной роты нашего полка. Состоялся открытый показательный суд, на котором присутствовал весь личный состав транспортной роты и некоторые жители села. Воры были осуждены и отчислены из полка. После этого пропажа молочных продуктов из бидонов прекратилась.

Из районной комендатуры для исполнения мне поступило довольно деликатное распоряжение: нужно было срочно в нашем селе организовать выявление и лечение всех женщин больных, так сказать, деликатными болезнями. Я психологически не был готов к таким делам. Даже тогда, когда я читал это распоряжение, то невольно волновался и краснел. Но я комендант, и этому делу должен дать ход.

Оказывается, бургомистр села, так сказать, по линии немецкой администрации тоже получил аналогичное распоряжение, и мы вместе стали думать, как его поскорее и получше исполнить. Выяснилось, что мой предшественник, американский комендант, тоже начал проводить эту работу, но не успел ее закончить.

Мы с бургомистром решили воспользоваться оставшимися от американца бумагами, то есть продолжить его работу, но только силами местных немецких врачей. Через несколько дней на мой стол стали ложиться списки женщин Хейероде с разбивкой их на три категории: *gesund*, *krank*, *verdächtig* (здоровая, больная, подозрительная).

Всех больных через бургомистра мы отправляли в Мюльхаузен в районный стационар на лечение, а подозрительных на повторные анализы. Каким-то образом Анна Хольбайн узнала, что я располагаю такими списками и предприняла немало усилий, чтобы заглянуть в них. Я объяснил ей, что эти сведения являются секретными и вежливо отказал ей, за что она кровно обиделась на меня.

В селе был только один “очаг культуры” – кино-танцевальный зал, который, естественно, находился в частных руках. Его хозяйка, имя которой я, к сожалению, не смог вспомнить, была очень активной и деятельной старушкой. Она постоянно носила черно-траурное одеяние. Летом зал почти не работал, а под осень появилась необходимость в его открытии. К тому же население села постоянно увеличивалось за счет возвращения местных жителей беженцев и возвращающихся из плена бывших солдат Вермахта. Я оказался в затруднительном положении: танцы – понятно, их можно и нужно разрешить. А как быть с показом кинофильмов? Ведь кинофильмы-то все немецкого, точнее говоря, фашистского производства. Я позвонил заместителю командира полка по политической части майору Проценко и попросил у него совета. Он сказал:

– Сначала сам посмотри несколько фильмов и отбери из них для показа те, которые с твоей точки зрения показывать можно. А все остальные, фашистские, пропагандистские, связанные с войной и политикой, запрещай без колебаний. Я так и сделал.

Вот я сижу один в пустом кинозале и просматриваю предложенные хозяйкой немецкие фильмы вместо прогулок с Лизой по живописным окрестностям села. Хозяйка кинозала была понятливым человеком и предложила для просмотра такие фильмы, которые я без всяких сомнений разрешал для показа.

Наступил день, когда в селе появились три огромных щита-объявления, на которых было написано: “Сегодня с разрешения коменданта в 19.00 будет демонстрироваться игровой фильм “Черный принц”. Вход с танцами 10 марок, без танцев 5 марок”.

Дело в том, что у немцев был заведен такой порядок: за час или за два перед демонстрацией фильма открывались платные танцы под оркестр. Потом в этом же зале расставлялись стулья, скамейки и другие сидения и начиналась демонстрация кинофильма.

В 1944 году под Прагой на киностудии “Баррандов” был снят цветной музыкальный художественный (немцы говорят “игровой”) фильм “Die Frau meiner Träume” (“Девушка моей мечты”). В нем много музыки, танцев, красивых женщин и нет ни единого грамма политики. Мужскую партию исполнил лучший танцор Европы того времени Виктор Фромин, солист Белорусского театра оперы и балета, специально вывезенный немцами в Германию. А главную женскую роль сыграла обаятельная Марика Рёкк. Она родилась в Венгрии 3 ноября 1913 года и с двенадцати лет начала выступать в концертах в Будапеште. С 1935 года она в Германии. После войны она снялась еще в нескольких фильмах: “Дитя Дуная” (1948 год), “Принцесса Чардаша” (1950 год) и других.

Но в фильме “Девушка моей мечты” она превзошла себя, этот фильм стал ее “лебединой песней”... В 1988 году ей исполнилось 75 лет, а в 1993 году она еще проживала в местечке Баден под Веной.

Фильм “Девушка моей мечты” прошел с огромным успехом по всей фашистской Германии и по оккупированным ею странам. После войны в качестве трофея он демонстрировался с не меньшим успехом почти во всех странах мира, в том числе и Советском Союзе, где многие зрители ошибочно принимали Марику Рёкк за Еву Браун, любовницу, а затем жену Гитлера.

Хозяйка кинозала где-то достала копию этого самого популярного среди немцев фильма. Большинство жителей Хейероде знали о нем, видели его и хотели увидеть еще раз. Все знали, а я – нет. И когда хозяйка кинозала пришла ко мне с предложением посмотреть этот фильм, то я равнодушно, не подозревая, что это не простой фильм, а шедевр, ответил:

– Хорошо, завтра вечером посмотрю.

На другой день в комнате Анны Хольбайн собрались ее сестры и племянники, все они поглядывали на меня и загадочно улыбались. А когда я в сопровождении одного свободного от дежурства солдата направился в кинозал, то на улице мне стали встречаться жители, тоже с загадочными улыбками. У входа в кинозал толпилась большая группа молодежи и с повышенным вниманием сопровождала каждый мой шаг. Я тоже всем улыбался, но не понимал, что происходило вокруг. Все это, оказывается, означало то, что люди ждали от меня разрешения на показ фильма, который был бы для них настоящим праздником.

С первых кадров кинокартины я был поражен и оглушен красками, музыкой и танцами. На экране царила удивительно красивая, беззаботная жизнь молодых людей, у которых на уме было одно – как бы в кого-нибудь влюбиться. Как будто в мире не было ни войны, ни крови. Танцы красоток из кабаре меня просто вогнали в краску: когда эти красотки бесстыже задирали юбки и дразнили зрителей обнаженными ногами. Этого я не мог стерпеть и, несмотря на все плюсы комедии, твердо сказал “нет”, чем поверг в ужас хозяйку кинозала, которая теряла огромную сумму предполагаемого дохода. Когда я вышел из кинозала, то на площадке не ока-

залось ни одного человека, а весь остаток вечера дверь в комнату Анны была плотно закрыта. Так отреагировали жители села на мой запрет.

В августе-сентябре 1945 года продолжалось массовое освобождение из русского плена больных и изувеченных солдат и офицеров вермахта. Все они, конечно, имели на руках соответствующие документы. Те немецкие пленные, дома которых находились в западных зонах, должны были пересечь границу между советской и американской зонами. А граница эта на нашем участке открывалась один раз в неделю по пятницам. Поэтому им приходилось ждать ее открытия по нескольку дней. А где им жить, ночевать? Несмотря на то, что каждая семья в Хейероде имела свой собственный дом, чаще всего двухэтажный, владельцы их не хотели добровольно брать на постой своих же солдат. Даже бургомистр, имея огромную власть в селе, в этом вопросе был бессилён. Ничего не поделаешь – частная собственность. Я, как советский человек и комендант села, был возмущен и даже оскорблен таким равнодушным отношением. Я сочинил довольно строгое распоряжение и обязал жителей без всяких условий и оговорок принимать на временный постой бывших немецких солдат и кормить их, правда, в счет репараций. После этого положение с размещением солдат в селе резко изменилось, но в начале мне приходилось самому лично в сопровождении вооруженных солдат ходить по дворам села и насильно заставлять хозяев принимать на ночлег двух-трех идущих из плена солдат-немцев.

Как-то после обеда дежурный сержант доложил, что со мной хочет поговорить один из таких бывших пленных офицеров – возвращенцев.

– Пусть заходит, – сказал я.

Через минуту в кабинет не вошел, а ввалился солидный офицер в шинели, но без погон, волоча правую ногу.

– Прощу сесть. Что с вами? – спросил я.

– Нога... старая рана. На моей ноге нет полпятки – русская мина. Когда выписывался из лагеря, нога была в порядке, а вот сейчас разболелась снова.

Я подошел к нему ближе и издали почувствовал, что от него несет жаром.

– У вас, кажется, температура? – спросил я.

– Есть немножко, – ответил немец.

Я позвонил в штаб полка и попросил соединить меня с начальником. Когда он взял трубку, я объяснил ему положение и попросил оказать немцу медицинскую помощь.

– Вы же знаете, что санитарная рота расквартирована в селе Фалькен, – сказал он.

– Знаю, но ведь это не так далеко от Хейероде. У немца высокая температура и нога распухла.

– Где он сейчас?

– У меня в кабинете.

Голос майора исчез, из трубки доносились какие-то шипения и пощелкивания. Я терпеливо ждал. Через несколько минут начальника штаба объявился на проводе и сказал:

– Ждите, врач выезжает к вам.

Я попросил немецкого офицера перейти в дежурную комнату, а появившуюся Анну Хольбайн присмотреть за ним. Примерно через час приехал наш врач и не один, а с двумя санитарями. Он не спеша осмотрел и ощупал распухшую ногу, сделал два укола и попросил санитаров смазать ее какой-то мазью и забинтовать.

– Переведите, – попросил он меня, – по-хорошему вас нужно немедленно госпитализировать. Если вы согласны, то мы можем сейчас же отвезти вас в санитарную часть.

– Нет, нет, я останусь здесь. Завтра открывается граница, и, возможно, завтра или послезавтра я буду дома. Я из Касселя, он недалеко отсюда.

– Если опухоль к утру спадет, то это хорошо, если нет, то нога ваша в опасности, возможна гангрена, а с ней шутки плохи.

Немец понимающе кивал головой, благодарил врача, санитаров, Анну, меня, но просил куда его не увозить, а оставить здесь, в этой комнате.

Вечером я снова зашел к нему. При моем появлении он даже сделал попытку встать.

– Не беспокойтесь, – сказал я, – как вы себя чувствуете?

– Ничего сказать не могу. Кажется, температура начинает спадать. Мне хочется сказать спасибо фрау Хольбайн, она не только заботится обо мне, но даже покормила.

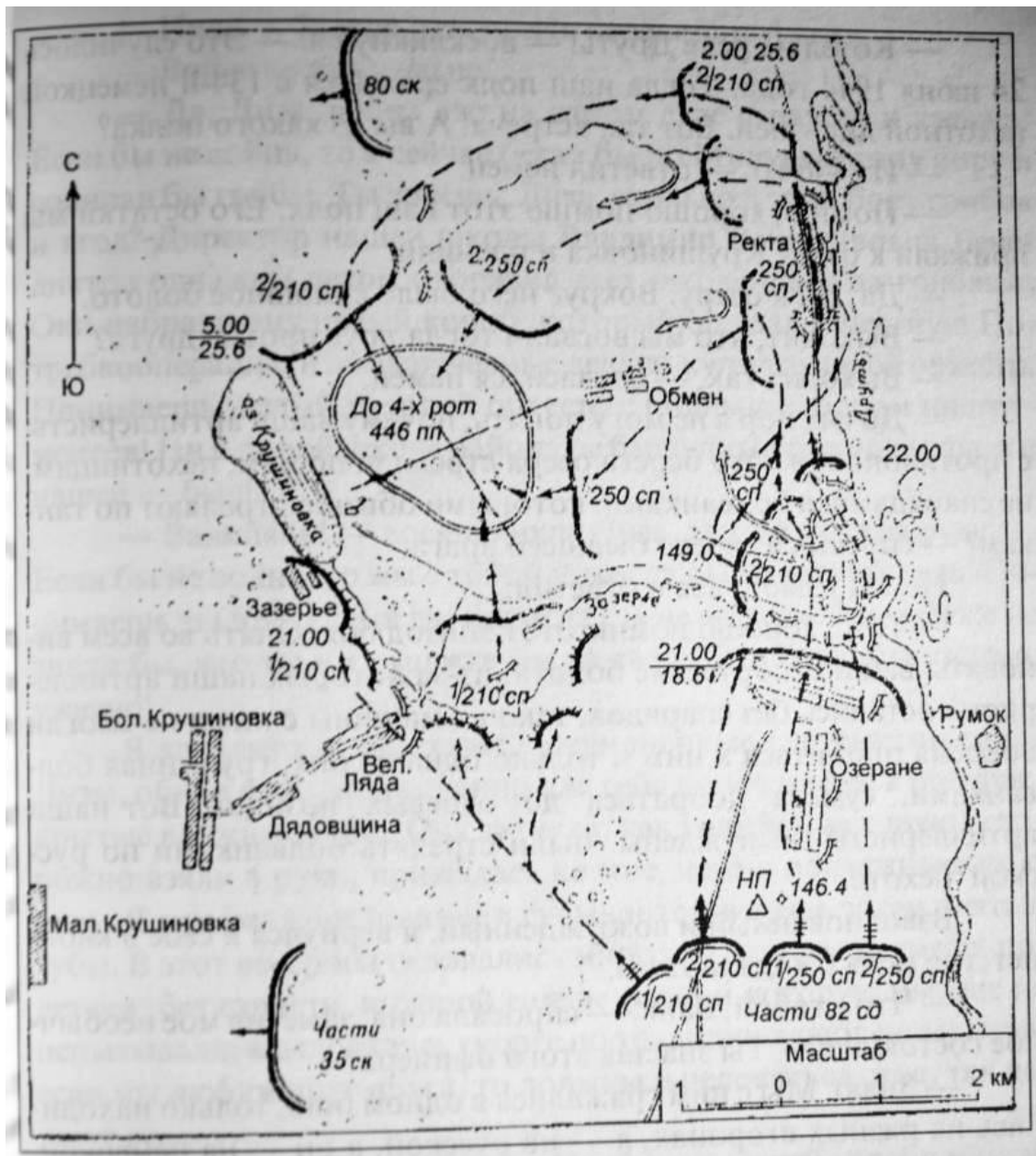
Я понимал, что все его мысли сейчас сосредоточены только на одном – на скором свидании с родными и близкими. Я знал, что крупный город Кассель был не так далеко отсюда, но в американской зоне.

– Скажите, сколько времени вы не виделись с семьей и родственниками? – спросил я.

– С осени 1943 года. Тогда я имел отпуск с фронта, а летом 1944 года я попал в плен, и с этого времени я ничего не знаю о своей семье, а ведь Кассель американцы бомбили много раз.

– Кто вы по званию, должности и где воевали?

– Я пехотный офицер в звании капитана, по должности командир пехотной роты. Воевал в Белоруссии на реке Друть. Может быть, слышали? Там наш батальон оказался в котле и был в полном составе взят в плен, а я к тому же еще и получил вот это ранение.

Карта-схема боя нашего полка 24–25 июня 1944 года в районе озера Крушиновка (Белоруссия) с 446-м немецким пехотным полком, один батальон которого был окружен и в полном составе взят в плен. В Хейероде я встретил немецкого офицера, возвращающегося из плена домой, участника этого боя.

– Котел на реке Друть! – воскликнул я. – Это случилось 24 июня 1944 года. Тогда наш полк сражался с 134-й немецкой пехотной дивизией. Вот так встреча! А вы из какого полка?

– Из 446-го, – ответил немец.

– Помню, хорошо помню этот ваш полк. Его остатки мы прижали к озеру Крушиновка и пленили.

– Да, да, к озеру. Вокруг него было сплошное болото.

– Выходит, что мы воевали тогда друг против друга?

– Выходит так, – согласился немец.

– До сих пор я не могу понять, почему ваши артиллеристы с противоположного берега озера стреляли по нам, пехотинцам, не снарядами, а болванками, которыми обычно стреляют по танкам? – спросил я своего бывшего врага.

Немец улыбнулся и ответил:

– Тоже хорошо помню этот эпизод боя. Опять во всем виноваты ваши белорусские болота, из-за которых наши артиллеристы остались без снарядов, так как машины с ними не смогли вовремя пробиться к ним и только одна из них, груженная болванками, сумела добраться до огневых позиций. Вот наши артиллеристы вынуждены были стрелять болванками по русской пехоте.

Взволнованный и возбужденный, я вернулся к себе в кабинет, где меня ожидала Лиза.

– Что с тобой, Ваня? – спросила она, заметив мое необычное состояние. – Ты знаешь этого офицера?

– Знаю. Мы с ним сражались в одном бою, только находились на разных сторонах, я – на русской, а он – на немецкой. Если бы мы встретились в этом бою, то или он убил бы меня, или я его. А вот сейчас, сегодня мы сидим с ним в одной комнате и спокойно разговариваем друг с другом. Лиза, ты понимаешь, что это такое? Что значит нам, фронтовикам, видеть в спокойной, мирной обстановке своего бывшего врага?

– Да, понимаю, – сказала Лиза, – Что ты собираешься с ним делать?

– Ничего. Завтра отвезу его на границу и все.

– Война – это ужасно!

– Да, Лиза, война это на самом деле страшно и ужасно. Если бы не война, то я сейчас бегал бы по Минусинскому бору и собирал бы грибы. Ты знаешь, Лиза, сколько в этом бору грибов и ягод? Директор нашей школы Владимир Вячеславович Бенедиктов однажды летом отправил всех школьников за грибами. Они набрали ему целый короб, который он сдал в местную Потребкооперацию и на вырученные деньги купил духовой оркестр. Понимаешь, целый духовой оркестр с полным набором инструментов! Ни в одной школе района не было духового оркестра, а в нашей – был!

– Ваниляйн! – воскликнула Лиза, хватая меня за руку. – Если бы не война, то мы с тобой никогда бы не встретились! Понимаешь ты это! Никогда, никогда бы не встретились и даже не знали бы, что ты и я существуем на свете! Это было бы ужасно, ужасно!

Я заглянул в набухшие, затуманенные слезинками глаза Лизы, обнял ее и... неожиданно для себя поцеловал ее в полураскрытые влажные губы. Она затихла, как голубка, которую осторожно взяли в руки, прижалась ко мне, нежно поглаживая мою руку. Я еще раз поцеловал ее в губы, потом в щеки, затем опять в губы. В этот вечер мы целовались много и долго, но неумело, по-детски, без страсти, которой еще не было и которую мы еще не испытывали, а целовались скорее по традиции влюбленных: мол, если мы любим друг друга, то должны и целоваться, мол, так делают все.

Утром появился Павел Крафт со своей дребезжащей “полторкой”, чтобы отвезти немецких солдат на пограничный пропускной пункт. А их набралось целый кузов. С помощью этих же солдат мы спустили со второго этажа больного немецкого офицера, моего недавнего врага по Белоруссии, и посадили его в кабину рядом с шофером. Павел Крафт был вынужден залезть в кузов. Я стоял на тротуаре и наблюдал сцену посадки и отправления немецких солдат. Когда машина тронулась, офицер-немец сделал мне неопределенный знак рукой, как бы прощался со мной, я тоже машинально ответил ему.

Этот, в общем-то ординарный эпизод моей комендантской практики, который от начала и до конца наблюдала Анна Хольбайн, а это значит, что о нем стало известно всем жителям села, неожиданно для меня поднял мой авторитет в глазах сельчан на целую голову. Еще бы! Их комендант встретил своего личного в недалеком прошлом врага и не только ничего не сделал

ему во вред, а наоборот, вызвал русского врача, организовал ему ночлег и заботливо отправил его домой.

Я стал часто бывать в доме Лизы. Ее мать Луиза, которую все домочадцы звали ласково Mutti (мамочка), встречала меня доброжелательно. При моем появлении Труди и Эрна куда-то исчезали, а маленький Хорсти, наоборот, выбегал мне навстречу и уж потом практически не отходил от меня. Я научил его играть в прятки, благо, что в доме было где развернуться, рассказывал ему русские сказки, которые он слушал с большим вниманием, показывал ему простые, но эффектные фокусы. Мы быстро стали с ним хорошими друзьями, чему особенно была рада Мутти. Любимым занятием Хорсти было катание на детском трехколесном велосипеде во дворе или по дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.